

Beata Trojanowska

Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszcy

Об одной «небесно-озерной» метафоре в романе Андрея Платонова *Чевенгур*

Художественный язык Андрея Платонова настолько специфичен и оригинален, что стал объектом исследований многих ученых – как лингвистов, так и литературоведов, особо за последних двадцать пять лет, когда на родине писателя стали заново печатать его литературные тексты. Особенность художественного языка Платонова ощутима и на уровне применяемых им стилистических тропов: метафор, метонимий, сравнений. Находим их также в романе *Чевенгур* (1926–1928), полная публикация которого впервые имела место в Советском Союзе только в 1988 году¹, значит – почти сорок лет после смерти Платонова. Художественный язык *Чевенгура* был описан в ряду научных работ, среди которых стоит перечислить хотя бы несколько их авторов: Александра Баранова, Михаила Михеева и работу Натальи Кожевниковой *Превращения в прозе А. Платонова*². Но пока еще нет работ, в которых исследователи попытались бы комплексно выделить и описать функцию выбранных метафор в романе *Чевенгур*, которую заодно можно отнести не только к художественным и идейным вопросам всего текста, но также к важнейшим мотивам и сюжетам всей литературной практики Платонова.

Таким образом, целью данной статьи является попытка дать функциональную характеристику одной метафорической конструкции в романе *Чевенгур* Андрея Платонова, которая касается двух важных, проникающихся пространственных точек произведения – озера и неба. Притом, мы будем ссылаться и на другие платоновские тексты, в которой замечаем похожие реализации. Как подчеркивают исследователи творчества Платонова³, в его романе *Чевен-*

---

¹ Отрывки романа были опубликованы в журнале „Новый мир” в 1928 году, первая полная публикация *Чевенгура* на Западе состоялась в Лондоне, в 1978 году.

² Н.А. Кожевникова, *Превращения в прозе А. Платонова*, [в:] <http://1september.ru/2002/48/4htm> (2.11.2013).

³ Среди них стоит отметить работу Н. Баранова, *Метафоры в романах А. Платонова «Чевенгур» и «Счастливая Москва»*, [в:] <http://lexrus.ru/inout/12-04-12055/metaph-Internet.pdf> (2.11.2013).

гур можно выделить ключевые слова-понятия, которые влияют и на платоновские метафорические выражения.

Сюжетная схема романа *Чевенгур* такова: главный герой произведения – Александр Дванов, преждевременно лишился матери, а его отец совершил самоубийство в озере Мутиово. Саша сначала воспитывался как приемный сын в многодетной семье Двановых, а потом опекуном и советником Саши стал Захар Павлович – тот взял на себя роль опекуна и советника сироты Саши. Наш герой записался в большевистскую партию и скоро отправился «строить коммунизм» в отдаленные районы новой советской родины. Как и его отец, Саша оказался мечтателем и правдоискателем и поэтому решил идти наконец в город Чевенур, в котором, как все говорили «коммунизм достиг уже совершенства». Разочарованный революционным хаосом в городе, он возвращается в родные места и повторяет судьбу своего отца – и его тело забирает озеро Мутиово. Важным элементом в структуре романа является именно категория пространства. Главный герой – Александр Дванов много путешествует, а хронотоп дороги становится доминирующим элементом сюжетной линии всего романа. Притом среди самых характерных локусов в пространственном перемещении героя, кроме степи, занимает именно **вода и небо**.

Уже в начале *Чевенгура*, читаем, что герой:

В рассвете будущего дня, на черте сельского горизонта, он стоял над кажущимся глубоким провалом, на **берегу небесного озера**. Саша испуганно глядел в пустоту степи; высота, даль, мертвая земля были важными и большими, поэтому все казалось чужим и страшным⁴ (Платонов 2004: 26).

Определение «озера», – «небесное» можно осмыслить и как ‘озеро небесного (голубого) цвета’, и как черту озера, освещенного небом или совмещающем земное и небесное, иномирным, иностатусным. Важную роль в осмыслении указанной выше метафоры сыгрывает принцип зеркальной симметрии, который, является структурной основой всего художественного мира романа *Чевенгур*⁵.

В метафорической конструкции «**берег небесного озера**» сносится грань между верхом и низом, глубь озера тождественна верху неба. Как подчеркивает Евгений Яблоков:

---

⁴ А. Платонов, *Чевенгур*, Москва 2004, с. 26.

⁵ Е. Яблоков в своей статье *Принцип художественного мышления А. Платонова «И так, и обратно» в романе «Чевенгур»* обращает внимание на аспект зеркальной симметрии романа, [в:] <http://platonov-ap.ru/materials/litera/yablokov-princip-hudozhestvennogo-myshleniya-platonova> (21.02.2014) или [в:] „Филологические записки”, Воронеж, 1999, вып. 13, с. 14–27.

Автор активно соединяет мотивы воды и неба, стремится снять противопоставление глубины и высоты, верха и низа⁶.

«Небесное озеро» эквивалентизируется также определением «глубокий провал». В этом же выражении опять активизируется аспект погруженности во что-то (глубокий), но и само слово «провал»⁷, означает в пространстве героев Платонова переход вниз, а точнее вглубь и связано с семантикой впадины⁸. К ней можем также отнести и инвариантные представления глубины у автора *Чевенгура*, между прочим: озеро и воду, яму, котловину⁹.

Стоит также добавить, что наше метафорическое выражение, кроме функции мифопоэтического моделирования мира (семантика низа – глубины) относится и к сюжетной структуре произведения *Чевенгур*. Главный герой романа – Саша Дванов после смерти своего отца в озере Мутиове именно к этому локусу на протяжении всего текста таит особый интерес. Ощущение героем круглого сиротства, его эмоциональные переживания перекладываются на способ восприятия им окружающего пространства, доминантами которого становятся кроме степи именно вода и небо. Саша ассоциирует озеро со счастливым ранним детством и близостью отца. Оттуда в окончательном итоге – погружение героя в озере наподобие отца можно воспринять, учитывая принцип зеркальной симметрии, как вознесение в небо. Притом озеро, обладающее признаком материальности соединяется с пространством небесным, сугубо нематериальным, духовным¹⁰. Наступает совмещенность, обмен начальными образами и в результате этой комбинации создается новое явление. Такую реализацию у Платонова можно также сочетать с приемом конъюнкции, так характерным для творчества Платонова. Благодаря такому сочетанию вода/небо – метафора **берег небесного озера** достигает особой пластичности, расширяя свои про-

---

⁶ Там же.

⁷ Слово «провал» толкуется: 1) от глагола «провалиться» как обрушение внутрь, вниз, 2) провалившееся место, углубление, 3) полная неудача в каком-то деле, [в:] *Комплексный словарь русского языка*, под ред. А.Н. Тихонова, Москва 2005, 792.

⁸ М. Дмитриовская, рассматривая поэтику повести *Джан* Платонова, обратила внимание, что слово «впадина», означающее 'низкое положение какого-то места', в тексте появляется 20 раз и в 16 раз из них относится к топониму Сары-Камыша, [в:] М. Дмитриовская, *Три модели пространства в повести А. Платонова «Джан»*, <http://poetica1.narod.ru/sbornik/dmitrovskaya.htm> (22.02.2014).

⁹ Там же.

¹⁰ Такое понятие неба характерно для пространства мира изображенного в повести *Очарованный странник* Николая Лескова. Здесь писатель ссылается на такие пространственные делимитаторы как юг (земное, греховное, материальное) и север (Валаам, духовное, вечное). См. Ю.Н. Кольцова, *Концепт пути в произведении Н.С. Лескова, «Очарованный странник»*, *Историческая и прикладная культурология*, [в:] Вестник МГУ, сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2000.

странственные пределы, а затем образуя и новое, метафорическое значение. Такой художественный прием автора *Чевенгура* находит и свое оправдание в идейно-мифическом плане произведения. Не случайно отец Саши заглядывал в глаза рыб, чтобы получить ответ на вопросы, касающиеся истины человеческого существования и наконец, для окончательной проверки, из-за любопытства, бросился в воды озера Мутиова:

Он видел смерть как другую губерню, которая расположена **под небом**, будто **на дне прохладной воды**, и она его влекла¹¹.

И в данной иллюстрации ощущаем снесение пространственных границ между небом и прохладной, озерной водой, но притом появляется новый важный общий элемент в восприятии Дмитрием Ивановым, отцом героя, окружающей его действительности – интерес смерти, а особо того, что после смерти. Ключом к осмыслению перифраза «дно прохладной воды», сравниваемого с самым глубоким и конечным местом озера, является слово «дно», которое опять связано с впадиной. Мария Дмитриевская в статье *Три модели пространства в повести А. Платонова «Джан»* среди важных слов-понятий, относящихся к моделированию платоновского пространства (в повести *Джан*), относит и слово «дно»¹². Оба значения слова «дно» как 1) почвы под водой водоема, так и 2) нижней части углубления, выемки, нр. сосуда, ящика, судна¹³ можно отнести к идейному пласту романа *Чевенгур*. Дно озера герою может ассоциироваться с местом смерти отца, но и заодно напоминать об его раннем счастливом детстве. Снесение пределов верх/низ дает возможность восприятия этого места как символа смерти, но за одно и рая, счастья. Отец Саши – рыбак Дмитрий Иванович для удовлетворения духовного любопытства готов был пожертвовать своей жизнью. И его сын Дванов кончит жизнь совершая самоубийство в этом же месте. Озеро Мутиово явится затем особым пространством и насыщается заодно у Платонова небесной сакральностью, отождествляется с раем, (но и ассоциируется также со смертью), что опять напоминает нам об функционирующей в творчестве Платонова идеи зеркальности. В осмыслении «озера под небом» как сакрума помогает несомненно одно из национальных культурных начал – легенда о граде Китеже¹⁴. Как отец Саши, так и он сам яв-

¹¹ А. Платонов, *Чевенгур*, op. cit., с. 9.

¹² М. Дмитриевская, op. cit.

¹³ Разбор лексемы «дно» по *Комплексному словарю русского языка*, под ред. А.Н. Тихонова, Москва 2005, с. 227.

¹⁴ Во время Батыева нашествия град Китеж скрылся в озере Светлояр от глаз захватчиков и за Божьим повелением стал невидимым. Только праведник в состоянии был увидеть в воде озера церковные купола и услышать колокольный звон. Это символ несгибаемой воли горожан,

ляются они духовными странниками, а весь платоновский роман напоминает древнерусское хождение¹⁵. Учитывая контекст китежской легенды – жизненные решения героев в *Чевенгуре* становятся понятными. Они оказались праведниками, которые сумели в воде озера Мутиово увидеть невидимый град наподобие ожидающего их впереди рая, *который откроется перед людьми только перед Страшным судом*¹⁶ и понимается как *промежуточная станция к новому небу и новой земле*¹⁷. Платоновские герои в невидимом мире озера Мутиова увидели истинную реальность, правду и смысл своих духовных стремлений. При помощи явления зеркальности Платонову удалось не только передать идейный смысл текста в целом, но и проявить его на уровне художественной речи, в нашем случае метафоры «**берег небесного озера**».

Указанная выше метафорическая конструкция, отражающая сложность соотношений **небо/озеро** может быть декодирована также в духе «образной геоморфологии», как подчеркивает Дмитрий Замятин в своей работе¹⁸, достаточно при чтении *Чевенгура* сослаться на традиционные космологические построения, чтобы прийти к выводу, что в романе воздействуют на себя сильно две силы: небо и земля (у Платонова показана она прежде всего в образе степи). Инвариантным представлением этой реляции является именно соотношение **небо/озеро**, которое вносит в традиционную модель космологии (**небо/земля**) своеобразную деформацию. По мнению Замятина:

Одно из главных нарушений космологической модели *Чевенгура* – это образные подмены Неба Водой (Озером) и наоборот. Озеро, как уже хорошо показано другими исследователями, является важнейшим образом-архетипом романа. Надо повторить здесь, что Озеро – это образ мертвой воды, символ успокоения, образ возвращения в материнскую утробу, замкнутого внутреннего пространства. Отвлекаясь от образа-архетипа Озера, скажем сразу, что фундаментальный нарратив всего романа состоит, по нашему мнению, в движении от замкнутого пространства к раскрытому, разомкнутому и далее вновь к окончательно замкнутому. Цикл, конечно, очевиден, если вспомнить судьбу отца Саши Дванова и конец романа¹⁹.

противостояния злу действенной молитвой, [в:] Е.Я. Шейнина, *Энциклопедия символов*, Москва 2001, с. 235.

¹⁵ А.Н. Сухих, *Русские странники в поисках Китежа*, [в:] *Серебряный век русской литературы*. Сборник статей, Санкт-Петербург 2009, с. 175.

¹⁶ Там же, с. 181.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Д. Замятин, *Круглая вечность. Образная геоморфология романа Андрея Платонова «Чевенгур»*, [в:] <http://www.intelros.ru/subject/figures/dmitriy-zamyatin/12252-kruglaya-vechnost-obraznaya-geomorfologiya-romana-andreya-platonova-chevengur.html> (15.03.2014).

¹⁹ Там же.

Из данной цитаты вытекает, во-первых, что архетипическое восприятие озера помогает понять идейный смысл романа и затем сложную логику судьбы главного героя романа – Саши Дванова. Во-вторых, образ озера как инварианта земли в платоновском романе дает возможность расширения пространственных коннотаций и связанных с ними движений и реальных перемещений героя. Стоит также добавить, что космологический подход к прочтению романа дает возможность осознать циклический характер земного существования Саши Дванова. Его движение на протяжении всей жизни можно представить при помощи кружения в замкнутой геометрически фигуре колеса, где в начале и конце сложных соотношений – герой/пространство появляется тот же пунктир – озеро Мутиово. Фигура колеса, или иначе круга, по которой следует Саша, сочетается с Космосом, идеалом, вечностью и циклическими существованиями, на что сильно ставит акцент Платонов в своей чевенгурской истории. Но название озеро Мутиово может также ассоциироваться и со словом «мутный»²⁰, что насыщает этот особый локус новыми чертами: непрозрачности, нечистоты и засоренности, которые берут свои начала именно в земле и болотах. Взяв во внимание этот факт, озеро Мутиово обладает особой амбивалентностью, с одной стороны, обозначает вечность, небо, но с другой – скрывает в себе туман и «земную» смерть человека.

Зато небо, которое в египетской мифологии является символом мужского *yang*²¹ соединяется с озером (водой) и землей как женскими началами, образуя одно целое – такой подход характерен и для мифического осмысления романа *Чевенгур* Платонова.

Отмеченная нами метафорическая конструкция «берег небесного озера» повторяется также в другом произведении Платонова – *Происхождении мастера*²², которое содержит в себе частично сюжетную линию *Чевенгура*, учитывая тему, мотивы, героев. В другом платоновском рассказе под заглавием *Никита* наблюдаем развернутую метафорическую конструкцию, в которой опять наступает сочетание неба и воды – в данном случае колодца:

В глубине того глухого колодца, в его подземной тьме, была видна **светлая вода с чистым небом и облаками**, идущими под солнцем²³.

²⁰ Слово «мутный» означает: 1) О какой-то жидкости: лишенный прозрачности, засоренный, нечистый от смешения с чем-либо; 2) Как бы покрытый пеленой; затуманенный, [в:] *Комплексный словарь русского языка*, под ред. А.Н. Тихонова, Москва 2005, с. 474.

²¹ J. Tresidder, *Słownik symboli*, tłum. B. Stokłosa, Warszawa 2001, s. 139. [Перевод мой].

²² Метафора «берег небесного озера», *Происхождение мастера*, [в:] А. Платонов, *Цветок на земле*, Москва 1983, с. 46; вторая цитата: «... он видел смерть как другую губернию, которая расположена под небом, будто на дне прохладной воды», там же, с. 30.

²³ А. Платонов, *Цветок на земле*, op. cit., с. 278.

Описание «глухого» колодца дается в рассказе от имени мальчика Никиты, в воображении которого в этом неупотребляемом людьми колодце живут сверхъестественные силы. Этот образ ставится сразу в противопоставление с «другим колодцем, в котором хорошая вода», что создает оппозицию: хорошее/плохое или чистое/нечистое. Детская фантазия и сны, подсказывают Никите, что в небесной (именно в ней содержится особая метафизика) и светлой воде «плохого» колодца:

... живут на дне маленькие водяные люди. Он знал, какие они были, он их видел во сне и, проснувшись, хотел поймать, но они убежали от него по траве в колодец, в свой дом. Ростом они были с воробья, но толстые, безволосые, мокрые и вредные, они, должно, быть, хотели у Никиты выпить глаза, когда он спал²⁴.

А когда вода в колодце замутилась, Никита был уверен, что там еще находится великан и его дети. В приведенной выше цитате вода опять ассоциируется с дном, чем-то опасным, в осмыслении мальчика угрожающим ему. Такое ощущение мира Никитой берется из-за его одиночества, детской боязни и отсутствия отца, долгое время борющегося на войне. Колодец как важный художественный образ рассказа *Никита* может быть декодирован также в психологическом контексте как представление ствола, ведущего во глубь подсознания человека²⁵. Итак **светлая вода с небом и облаками** сыгрывает очень важную роль в восприятии Никиты – открывает его детские страхи и боязни. На основании одной небесно-озерной (а точнее: водяной) метафорической конструкции, выступающей в прозе Платонова, приходим к выводу, что художественный прием зеркальной симметрии реализуется Платоновым не только на уровне идеи и сюжета, но также на уровне стилистических фигур, что открывает целостность и масштабность мышления автора *Чевенгура*.

---

²⁴ Там же.

²⁵ J. Tresidder, *Słownik symboli*, op. cit., s. 207. [Перевод мой].

SUMMARY

**About one “Haevenly-Lake” of Metaphor in the Novel *Chevengur*
Written by A. Platonov**

In the article author presents one of the metaphors «берег небесного озера» in the novel “Chevengur” by Platonov. It refers to two spatial categories – Heaven and Lake, which both in the story are very important. The writer is carrying this metaphor out both on the level of the plot, the idea, as well as the tongue too. On all these levels of the text Platonov applies the principle of the mirror symmetry which turns out to be the strong merging element of the whole work. One should add that this artistic treatment is peculiar to the entire Platonov's prose.

Metaphorical opposition the sky/lake is an invariant of the main opposition in the Platonov's artistic work – sky/earth. As a result opposition sky/water, can refer to different water spaces; for example of the lake, river, well with water. All these metaphorical implementations are appearing in the Platonov's prose.